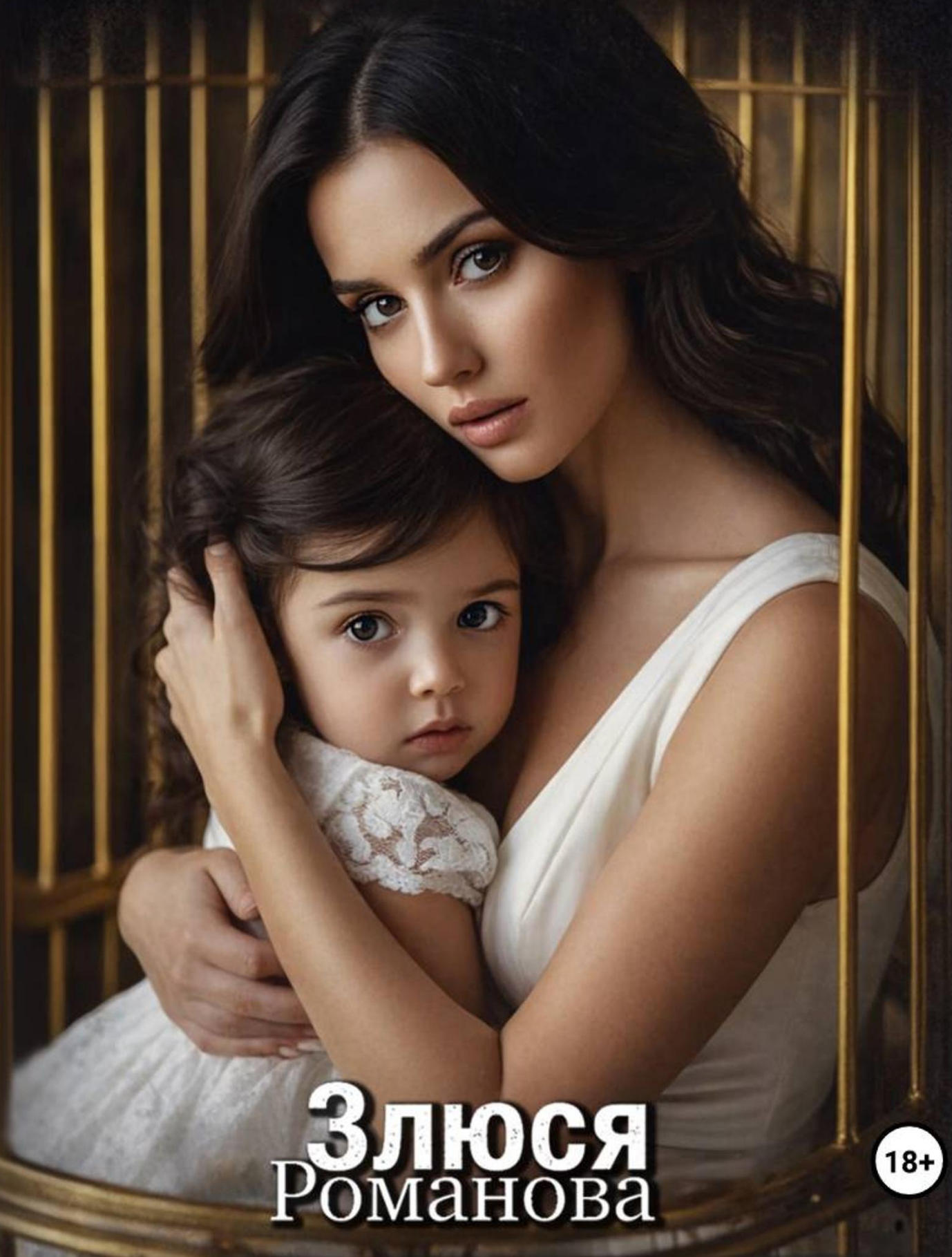

ОШИБКА 2

ПУТЬ К ТЕБЕ

ЗЛЮСЯ
РОМАНОВА

18+

БЫВШИЕ

Злюся Романова

Ошибка 2 Путь к тебе

«Автор»

2026

Романова З.

Ошибка 2 Путь к тебе / З. Романова — «Автор»,
2026 — (Бывшие)

Я смотрела на телефон в своей руке и не верила, что у меня наконец-то есть шанс. Связь с миром. Единственная ниточка, которая могла вытащить нас из этой золотой клетки. Пальцы дрожали так сильно, что я едва могла нажимать на кнопки. Я набрала номер, который помнила наизусть. С надеждой, что он не изменился. Номер, который я запрещала себе набирать всё это время. Гудок. Ещё один. Ещё. — Алло? — раздался в трубке голос, от которого у меня перехватило дыхание. ***Я вышла за него, чтобы спасти себя и дочь. Четыре года я была идеальной женой, пока не застала мужа за изменой. Он запер нас в доме. Охрана, камеры, полная изоляция. Один звонок — моя последняя надежда. Тому, от кого я бежала четыре года назад. Тому, чьи глаза теперь смотрят на меня каждое утро глазами моей дочери. ДИЛОГИЯ Первая книга ОшибкаХЭ

© Романова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ошибка 2 Путь к тебе

Глава 1

Вика-Алёна

Я открыла дверь и зашла в приёмную Алекса.

Секретаря не было. Я машинально посмотрела на часы. Всё ясно, уже время обеда.

Я решила сделать сюрприз мужу, с которым мы уже четыре года как женаты. Пригласить его на обед, устроить маленький праздник среди рабочей суеты.

Я много времени провожу на работе.

Совсем недавно, с помощью Алекса, я открыла небольшое книжное кафе. Моя мечта, которая обрела форму и стены, пахнущие свежей выпечкой и типографской краской.

Стены кафе были сплошь уставлены книгами. Там были и книги на французском, немецком, английском и, конечно, очень много книг на русском. Посетители устраивались с чашкой ароматного латте, капучино, эспрессо в мягких креслах с книгой в руках и проводили так минуты своего отдыха.

Часто ко мне приходили целыми семьями.

По выходным я устраивала читальные дни. Читала книги наших писателей, Маршака, Сутеева, Михалкова, на французском. Дети с удовольствием кушали пирожные, круассаны, а их родители отдыхали с чашечкой чая или кофе.

Да, жизнь моя повернулась на все сто восемьдесят градусов с момента бегства из России.

Сначала я работала администратором в дизайн-студии. Скромно, тихо, почти незаметно. А потом... потом я узнала, что беременна.

Шок — это не то слово, которым я могла бы описать своё состояние. Скорее цунами, девятый вал, землетрясение, разрушившее шаткий фундамент, который я с таким трудом выстроила вокруг себя.

Я в чужой стране, с визой на три месяца и с малышом под сердцем.

Я была выбита из колеи, раздавлена.

Помню тот день до мельчайших подробностей. Я вышла из частной клиники, сжимая в руке направления на анализы, зашла в ближайший сквер, села на лавочку и начала реветь. Просто навзрыд, как ребёнок, у которого отняли самую дорогую игрушку.

Эта новость просто растоптала меня, смешала с пылью все мои хрупкие планы на спокойную, незаметную жизнь.

Я сидела на этой лавочке, обхватив живот руками, и сквозь слёзы шептала:

— Как же мне жить дальше? Как выкарабкаться, выжить?

А в голове, как назло, всплывал он.

Кирилл.

Его руки на моём животе, когда мы лежали в постели. Его шёпот: «Когда-нибудь здесь будет расти наш малыш. Я хочу девочку, похожую на тебя». Я тогда смеялась и говорила, что сначала нужно пожениться. А он целовал мой живот и обещал, что у нас будет самая красивая дочка на свете.

И вот теперь этот малыш действительно был здесь. Рос под моим сердцем, требовал места в этом мире.

И он был от Кирилла.

От человека, который не поверил мне. Который вышвырнул меня из своей жизни, как ненужную вещь. Но он же был и тем Кириллом, который будил меня по утрам поцелуями. Который тайком проносил мне в кабинет горячее какао, когда я засиживалась допоздна. Который обнимал меня во сне так крепко, будто боялся, что я исчезну.

Я ненавидела его и тосковала по нему. И эта раздвоенность разрывала меня на части. А внутри рос ребёнок. Его ребёнок. Наш ребёнок.

— Mademoiselle, vous allez bien?..(Мисс, у вас всё хорошо?) — чья-то тёплая рука осторожно коснулась моего плеча.

Сквозь пелену слёз я увидела мужчину. Он что-то спрашивал на французском, обеспокоенно вглядываясь в моё лицо.

Я, всхлипывая, пыталась объяснить ему ситуацию. Что я одна в чужой стране, что бежала из России, что через два месяца мне нужно возвращаться, а теперь...

Мой французский был ужасен, да ещё и рыдания мешали говорить. Но он, кажется, понял главное: мне очень, очень плохо.

Мужчина, которого звали Алекс, терпеливо выслушал мои бессвязные объяснения, протянул чистый носовой платок, а потом пригласил в небольшое кафе через дорогу. Там он угостил меня ароматным чаем и тёплым круассаном, и я понемногу начала успокаиваться.

Мы много говорили.

Я рассказывала о себе, он — о себе. Оказалось, что мы оба немного потерянные в этом большом мире, просто каждый по-своему.

Мы гуляли по осеннему Анже, шурша опавшими листьями, а вечером он проводил меня до дома, где я снимала крошечную комнату.

— Алена, — сказал он уже в дверях. — Выходите за меня замуж.

— Что...? — я решила, что ослышалась.

— Выходите за меня замуж, — спокойно повторил он.

— Почему вы это мне предлагаете?

— Потому что вы нуждаетесь в помощи...

— Вам это зачем? — перебила я резче, чем следовало. — Я не верю в бескорыстность.

Простите, но не верю.

Он задумался, словно тщательно подбирая слова.

— Вы правы. Я не бескорыстен. Мне тоже нужны вы.

— Зачем я вам?

— Моя семья очень хочет, чтобы я женился. Для меня это стало настоящей проблемой. Я не могу найти себе подходящую женщину. А те, кого они мне сватают... меня они не устраивают.

— Я пока всё ещё не понимаю, — призналась я, чувствуя, как голова идёт кругом.

— Я хочу, чтобы вы стали для меня своеобразным щитом между мною и моими родственниками, — улыбнулся он.

— Но я беременна.

— А это вообще прекрасно. — он улыбнулся шире. — Красивая молодая женщина, да ещё и беременная — это именно то, что устроит мою семью.

— Но вы меня не любите. И я вас не люблю.

— В этом нет ничего страшного, Алена. Чувства — это временно. А вот договорённость, обязательства — они постоянны. Я гарантирую вам надёжность, финансовую стабильность. А вы будете моим гарантом в реализации классических семейных ценностей. Я богатый человек, Алена, — добавил он будто, между прочим. — Это кафе, в котором мы сидели, одно из многих, что у меня есть. Вы будете обеспеченной женщиной. Подумайте.

Я думала неделю.

Но думала я не столько о предложении Алекса, сколько о том, что ждёт моего ребёнка.

О том, что я не имею права обрекать его на жизнь в нищете, на скитания, на постоянный страх.

О том, что Кирилл никогда не узнает о нём. И, наверное, это к лучшему.

Я вспоминала Кирилла каждую ночь.

Как он смеялся. Как хмурил брови, когда что-то шло не так на работе. Как пахло от него после душа. Как он шептал: «Ты моя победа, Вика».

Ты моя победа.

Какая горькая ирония.

Я бежала от него за тысячи километров, сменила имя, вышла замуж за другого, а он всё равно был со мной. В каждом ударе сердца моего ребёнка. В каждой бессонной ночи. В каждом мгновении, когда я смотрела на закат и вспоминала, как мы встречали их вместе.

Я взвешивала все «за» и «против», ворочалась по ночам, прокручивала в голове раз за разом этот разговор. И в конце концов дала согласие. Но с обязательным условием — заключением брачного договора. Алекс был согласен. Он и сам позаботился об этом.

По договору я требовала свободы в любой момент, когда решу, что брак исчерпал себя, и отсутствия претензий со стороны Алекса ко мне и моему ребёнку.

В свою очередь, от меня требовался отказ от всей недвижимости, принадлежащей Алексу, и его бизнеса. В случае развода мне полагалась внушительная сумма, но не более.

Честно. Прозрачно. По-деловому.

Так я стала женой Алекса Кантона.

***

Я подошла к двери, которая вела в кабинет мужа, взялась за ручку, уже предвкушая его удивлённую улыбку, и толкнула дверь.

И замерла.

То, что я увидела, перевернуло всё то, что я знала об этом человеке все четыре года...

Глава 2

Вика-Алёна

Я вышла за Алекса через месяц после той встречи в сквере.

Свадьба была тихой и быстрой.

Расписались в мэрии, поужинали в небольшом ресторане с его родителями. Они смотрели на меня с подозрением, но Алекс убедил их в искренности наших чувств. А моя беременность не оставила им никаких доводов для возражений. Русская невестка, беременная от их сына, выглядела вполне респектабельно.

Алекс сдержал все обещания. Я переехала в его дом в пригороде Анже. В доме была прислуга: экономка, садовник, горничная, которая приходила четыре раза в неделю.

Я действительно перестала о чём-либо волноваться. Все сложные вопросы: виза, документы, страховка, счета Алекс решал сам, даже не спрашивая моего мнения. Он был идеальным мужем по контракту: внимательным, щедрым, ненавязчивым.

Но он не любил меня. И я не любила его.

Мы спали в разных спальнях. Иногда, когда у него были гости, я появлялась на ужинах в роли счастливой жены. Улыбалась, поддерживала светские разговоры, клала голову ему на плечо. А потом мы расходились по своим комнатам, и каждый оставался наедине со своими мыслями.

Моими мыслями был Кирилл.

Он приходил ко мне по ночам. Во снах, в воспоминаниях. Я ловила себя на том, что ищу мужчин, похожих на него, в каждом прохожем. Сравниваю. Вспоминаю.

Это было безумием. Я знала. Но ничего не могла с собой поделать. Я успокаивала себя только тем, что мне нужно время. Время лечит. Так говорят.

Врут.

Адель родилась в мае.

Роды были тяжёлыми. Я не кричала — я выла, вцепившись в поручни, чувствуя, как тело разрывается на части. Алекс ждал в коридоре, и когда всё закончилось, он зашёл, посмотрел на меня с каким-то странным выражением лица и сказал:

— Ты сильная. Я знал, что не ошибся в тебе.

Он даже не посмотрел на ребёнка.

А я смотрела. Не могла оторваться.

Она была крошечной, всего три килограмма, с тёмным пушком на головке и сморщенным личиком. Но когда она открыла глаза...

У меня перехватило дыхание.

У неё были глаза Кирилла.

Те самые карие, с золотыми крапинками, которые затягивали в себя, как омут. Она смотрела на меня своими незрячими младенческими глазами, а мне казалось, что сам Кирилл смотрит на меня сквозь неё.

— Адель, — прошептала я, целуя её в лобик. — Моя маленькая Адель.

Я назвала её в честь песни, которую мы часто слушали с Кириллом в нашей первой поездке во Францию. Adele — «Someone Like You».

Малышка росла, и с каждым днём я всё отчётливее видела в ней отца.

Те же брови, которые хмурились, когда она была чем-то недовольна. Та же манера засыпать на животе, обняв подушку.

Когда Адель научилась сидеть, я часами наблюдала за ней, ловя каждую деталь. Когда начала говорить — первые слова были «мама» и «дай», но интонации были точь-в-точь как у него.

Иногда мне казалось, что Кирилл невидимо присутствует в нашей жизни. Что он здесь, рядом, просто в другой комнате. Что стоит обернуться и я увижу его, стоящего в дверях с той самой улыбкой, от которой у меня всё теплело внутри.

Но он не появлялся. Его не было.

Через год после рождения Адель мы переехали в Марсель.

Алекс сказал, что ему надоела провинциальная тишина Анже, что ему нужно больше простора, больше воздуха. На самом деле, я думаю, он просто хотел быть дальше от своей семьи, которая слишком часто навещала нас в Анже.

Дом в Марселе был ещё больше, четырёхэтажная вилла с видом на море, с бассейном, с террасой, где мы завтракали по утрам. Адель обожала бегать босиком по тёплой плитке и ловить ящериц, которые грелись на солнце.

Именно в Марселе я открыла своё кафе.

Я настояла на этом. Алекс сначала отмахивался — зачем тебе это, у нас и так всё есть.

Но я не могла сидеть дома. Скука сводила с ума. Адель подрастала, ей нужен был детский сад, социализация, а мне своё дело, своя территория.

Алекс сдался.

Он всегда сдавался, если я проявляла настойчивость. Наверное, потому что ему было всё равно.

Я нашла помещение в старом городе, с видом на порт, и вдохнула в него жизнь. Белые стены, деревянные стеллажи, мягкие кресла, огромные окна, выпускающие средиземноморское солнце. И книги — сотни книг на разных языках, которые я собирала по всему Марселю, заказывала из других стран.

Моё кафе полюбилось. Сначала местные, потом туристы. Ко мне приходили за уютом, за тишиной, за запахом свежесваренного кофе и шелестом страниц. Я была счастлива.

Но если быть честной до конца, я была счастлива ровно настолько, насколько может быть счастлив человек, у которого есть всё, кроме настоящей любви.

В нашем доме часто гостил Жак — лучший друг Алекса, художник.

Он был высокий, худой, с вечно взлохмаченными светлыми волосами и пронзительными серыми глазами. Носил мятые льняные рубашки и пахло от него... странно. Чем-то тяжёлым, хоть Алекс и заверял, что тот вообще не пьёт. Жак мог часами рассказывать о своих выставках, о свете, о цвете, о текстуре.

Мне он не нравился.

Не то чтобы я его недолюбливала, просто что-то в нём было... неправильное. Он иногда так смотрел на меня, что мне становилось не по себе. Слишком долго. Слишком пристально. Слишком изучающе.

— Тебе не кажется, что Жак странный? — спросила я однажды Алекса.

— Жак? — он удивился. — Нет, он просто художник. Они все немного чокнутые.

Я пожала плечами и решила больше не забивать голову этим человеком. В конце концов, это друг Алекса, не мой. Я могла просто избегать общества Жака, когда он приезжал.

А приезжал он часто. То погостить, то поработать в гостевой студии, которую Алекс специально для него оборудовал. Иногда они уезжали вместе. Алекс говорил, что у Жака какие-то проблемы с заказчиками, нужно помочь разобраться.

Меня это не касалось.

В Марселе мы прожили почти три года, и вдруг Алекс объявил, что нам нужно срочно ехать в Анже.

— У Жака проблемы, — сказал он утром за завтраком. — Серьёзные. Нужна моя помощь.

— Надолго?

— Неделя, может, чуть больше.

Я вздохнула.

Адель только пошла в новый детский сад, ей нужно было привыкать. Но спорить с Алексом, когда дело касалось Жака, было бесполезно.

— Мы едем все? — спросила я.

— Да, конечно. Я не могу оставить вас здесь одних. Тем более родители будут рады повидать нас всех.

Я просто кивнула и начала собирать вещи.

В Анже мы остановились в доме, где прожили первый год. Он был законсервирован, но экономка приехала за день до нас, чтобы всё подготовить.

Алекс целыми днями пропадал с Жаком. Уезжал утром, возвращался поздно вечером, уставший и раздражённый. Я почти не видела его.

Адель скучала. Она привыкла к марсельскому солнцу, к морю, к своим игрушкам. Здесь ей было неуютно.

— Мама, когда мы поедem домой? — спрашивала она каждый вечер.

— Скоро, малышка. Папа должен закончить дела.

Я называла Алекса «папой» при ней. Это было частью нашей договорённости. Для Адель он был отцом, единственным, которого она знала. Я не имела права лишать её этого.

Но иногда, глядя, как Алекс отстранённо смотрит на неё, как избегает лишних прикосновений, как отделивается дежурными фразами, я чувствовала укол вины. Она заслуживала настоящего отца. Такого, который любил бы её, обнимал, играл.

Такого, как Кирилл.

В тот день я настояла.

— Алекс, — сказала я за завтраком. — Мы уезжаем послезавтра. Я хочу, чтобы сегодня ты провёл день с нами.

Он поднял на меня усталые глаза.

— Вика, я не могу. У Жака...

— Мне плевать на Жака, — перебила я жёстче, чем следовало. — Я понимаю, что у него проблемы. Но Адель уже неделю не видит тебя. Она скучает. Я скучаю. Нам одиноко.

Он помолчал, потом кивнул.

— Хорошо. Сегодня я ваш.

Мы пошли гулять по-старому Анже.

Адель радовалась каждому встречному голубю, каждому фонтану, каждой витрине с пирожными.

— Мама, смотри! — кричала она, показывая на огромного плюшевого мишку в витрине магазина игрушек.

— Красиво, доченька.

И тут неожиданно небо заволкло тучами. Пошёл дождь. У Алекса был зонт, но его не хватало для нас троих. Адель начала капризничать, когда её платьице начало намокать.

Мы зашли в ближайшее маленькое кафе на углу. То самое, где четыре года назад он угощал меня чаем и круассаном.

Я улыбнулась воспоминаниям.

— Помнишь? — спросила я, когда мы сели за столик.

— Помню, — кивнул он. — Ты была такой потерянной.

— Я и была потерянной.

Адель что-то бесконечно говорила, параллельно жуя круассан. Мы с Алексом болтали. Он рассказал какую-то шутку, и я рассмеялась. Давно мы так тепло не сидели. Пусть не как любящие друг друга люди, но как добрые друзья.

Дождь стал утихать, и мы поднялись со своих мест. Адель долго не могла сидеть на одном месте, ей требовалось движение, и мы решили вызвать такси и поехать домой.

Я сделала пару шагов к выходу, как вдруг чья-то рука коснулась моего плеча.

Я обернулась и замерла, не веря своим глазам.

Напротив меня стоял Кирилл.

Он изменился. Возмужал. На висках появилась первая седина, лицо стало жёстче, резче. Но это был он. Мой Кирилл. Тот самый, который снился мне каждую ночь на протяжении этих лет.

Я замерла. Ладони вспотели.

— Мама, ты чего? — Адель дёрнула меня за рукав.

— Ничего, милая. Всё хорошо.

Но хорошо не было.

Я видела, как Кирилл скользнул взглядом по Алексу, по Адель... и снова остановились на мне.

Я видела в его глазах шок. Узнавание.

— Вика... — выдохнул он.

Алекс напрягся, инстинктивно придвинулся ко мне. Адель смотрела на незнакомого мужчину с детским любопытством.

— Простите, — сказала я, и голос мой прозвучал ровно, хотя внутри всё кричало. — Вы ошиблись.

— Не ошибся, — он смотрел на меня так, будто пытался прожечь дыру. — Я никогда не ошибаюсь.

— Я не Вика, — я покачала головой. — Меня зовут Алена.

Я повернулась к Алексу, чувствуя, что ещё секунда и я сорвусь.

— Дорогой, всё в порядке. Пойдём.

Я взяла Адель на руки и пошла к выходу, вслед за мужем, чувствуя, как моя спина горит под взглядом Кирилла.

Мы вышли на улицу. Дождь всё ещё накрапывал. Алекс открыл зонт.

— Мама, кто этот дядя? — спросила Адель.

— Никто, милая. Просто ошибка.

Не помню, как мы приехали домой, как я оказалась в своей комнате. Помню только, что уложила Адель спать, залезла в свою кровать, накрылась одеялом и разрыдалась.

Следующий месяц я жила как в аду.

Я боялась выходить на улицу. Боялась, что Кирилл найдёт меня, будет преследовать, требовать объяснений. Боялась, что он понял, что Адель от него, и захочет забрать её.

Я оглядывалась по сторонам, вздрагивала от каждого звонка. Алекс смотрел на меня с сочувствием, но молчал.

Кирилл не появился. Ни в тот день, ни на следующий, ни через неделю. Он просто исчез, будто его и не было. Может, он понял, что я не хочу его видеть? Может, всё-таки решил оставить меня в покое?

Я не знала. Но постепенно страх отпускал. Жизнь возвращалась в обычное русло.

Мы вернулись в Марсель. Адель пошла в садик, я продолжила заниматься своим кафе. Алекс снова целыми днями пропадал неизвестно где. Всё стало как прежде.

Почти.

Потому что по ночам я всё так же думала о Кирилле.

***

Я стояла на пороге кабинета своего мужа. В руках у меня были сэндвичи с лососем, бутылка «Сансерра», его любимые макаруны из кондитерской на углу. Я всё ещё улыбалась, предвкушая его удивление.

Но когда мои глаза привыкли к полумраку кабинета и увидели то, что там происходило, я впала в шок.

Он изменял мне. Пошло, развратно, в своём собственном кабинете.
Противные, влажные звуки слышались на всю комнату. Было мерзко. Противно. Гадко.
У меня потемнело в глазах. К горлу подступила тошнота. Я смотрела на них и не могла пошевелиться.

Наконец Алекс поднял голову и увидел меня.

В его глазах не было ни стыда, ни раскаяния. Только раздражение как на муху, которая залетела не туда.

— Алена, — сказал он спокойно, даже не останавливаясь. — Выйди.

— О, наша русская красавица пришла, — услышала я противный голос. — Хочешь присоединиться?

Резкая тошнота подкралась к моему горлу и меня вырвало.

Прямо на пол, на этот дорогой паркет, на их грязные игры.

Я развернулась и выбежала вон.

Глава 3

Вика-Алёна

Я бежала по коридору, цепляясь за стены пальцами, будто они могли удержать меня от падения в пропасть.

Каблуки стучали по мраморному полу.

Перед глазами всё ещё стояла та картина — два сплетённых тела на дорогом деревянном столе, влажные, хлюпающие звуки, запах пота и чего-то приторно-сладкого, ввевшийся в ноздри, от чего до сих пор подкатывала тошнота.

Я влетела в лифт, нажала кнопку первого этажа и прислонилась спиной к холодной зеркальной стене. В отражении на меня смотрела бледная, растерянная женщина с безумными глазами, в которых застыл ужас.

Я не узнавала себя.

Как я могла не замечать?

Мысли метались в голове.

Четыре года мы жили под одной крышей, и я ни разу не заподозрила. Ни разу не задала себе вопрос: почему мужчина в расцвете сил, богатый, красивый, не проявляет ко мне никакого интереса как к женщине?

Я вспоминала все эти годы.

Наши редкие выходы в свет, где он держал меня за руку, но стоило нам остаться одним, между нами вырастала невидимая стена.

Наши поездки к его родителям, где мы изображали идеальную пару, а потом, в машине, он замолкал и больше не смотрел на меня, будто меня не существовало.

Его долгие отлучки, командировки, корпоративы, в которых я никогда не участвовала.

Вечера, когда он возвращался поздно, уставший и раздражённый, и даже не всегда вспоминал спросить, как у меня дела или как я провела день.

А я не спрашивала. Мне было всё равно. Мне нужна была только защита для меня и моего ребёнка. И я её получила.

Но цена...

— Господи, какая же я дура, — прошептала я вслух, чувствуя, как к горлу снова подступает тошнота.

Лифт мягко остановился. Двери открылись, выпуская меня в просторный холл с мраморными колоннами и огромной хрустальной люстрой, которая равнодушно сверкала надо мной своими огнями.

Я выбежала на улицу. Осенний воздух ударил в лицо, но не принёс облегчения. Меня трясло. Всё тело била мелкая, противная дрожь, которую я не могла унять.

Надо забрать Адель.

Эта мысль пробилась сквозь пелену шока, как луч света сквозь грозные тучи. Моя дочь. Единственное, что сейчас имело значение.

Я поймала такси, назвала адрес садика и всю дорогу смотрела в окно, не видя ничего. Перед глазами снова и снова прокручивалась та сцена. Алекс, даже не остановившийся, когда увидел меня. Его спокойный, раздражённый голос: «Выйди». Будто я была прислужгой, которая зашла не вовремя.

И этот мерзкий голос из полумрака: «Хочешь присоединиться?»

Меня передёрнуло.

Я зажала рот рукой, боясь, что меня вырвет прямо в машине. Голос был знакомым. Я слышала его раньше, много раз. Но сейчас, искажённый страстью, он звучал чудовищно, издевательски.

Садик Адель находился в тридцати минутах езды от офиса Алекса. Маленькое частное заведение с уютным двориком, где дети играли под присмотром заботливых воспитательниц. Я выбрала его за домашнюю атмосферу и близость к дому.

Когда я вбежала в группу, Адель как раз одевалась, чтобы выйти на прогулку. Увидев меня, она просияла своей белозубой улыбкой.

— Мама! — закричала она и бросилась ко мне, обнимая за ноги. — Ты плишла! А мы сегодня лисовали! Я нарисовала море и дельфина!

Я присела на корточки, обняла её, прижала к себе и замерла, вдыхая знакомый запах её волос. Этот запах был единственным настоящим, единственным, что удерживало меня на плаву в этом море лжи и предательства.

— Умница моя, — прошептала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Пойдём домой.

Воспитательница, мадам Бернар, смотрела на меня с лёгким беспокойством.

— Мадам Кантон, с вами всё в порядке? Вы бледная такая...

— Всё хорошо, спасибо, — я выдавила из себя улыбку. — Просто немного устала.

Я схватила Адель за руку, её рюкзачок с игрушками и почти выбежала на улицу. Дочь что-то щебетала о своих делах, о том, как они кормили хомячка, который жил в живом уголке, о мальчике Луи, который показывал ей язык, но я слышала её голос будто сквозь вату, сквозь толщу воды.

Всю дорогу домой я молчала, сжимая её маленькую ладошку в своей. Адель, почувствовав моё состояние, притихла и только иногда поглядывала на меня снизу вверх своими огромными карими глазами.

Глазами Кирилла.

***

Дом встретил нас тишиной.

Прислуги сегодня не было — выходной. Мы были одни. Тишина давила на уши, напоминала о том, что возможно и здесь, в этом доме, творилось нечто грязное, пошлое. Возможно, не раз. Возможно, пока я спала этажом выше, или играла с Адель, ничего не подозревая.

Я быстро помыла руки Адель, включила ей мультики на большом телевизоре в гостиной и поставила на столик тарелку с печеньем и соком.

— Мама, ты куда? — спросила она, когда я направилась к лестнице.

— Мне нужно кое-что сделать, малышка. Я быстро. Ты пока мультики посмотри.

Она кивнула, уже увлечённая прыгающими по экрану персонажами.

Я поднялась на второй этаж и вошла в свою спальню. Оглядела комнату, где прожила почти четыре года. Светлая, уютная, с видом на сад. Здесь было моё пространство, мой уголок. Но теперь всё здесь казалось чужим, пропитанным ложью, как и весь этот дом.

Я достала чемодан.

Сначала документы.

Паспорт на имя Алены Свиридовой — я не стала менять фамилию после замужества, оставила себе свою, словно подсознательно чувствовала, что это ненадолго.

Свидетельство о рождении Адель.

Брачный договор, который мы подписывали в нотариальной конторе.

Все бумаги, которые могли понадобиться.

Потом вещи. Самые необходимые.

Несколько платьев, бельё, тёплая кофта.

Аделькины любимые игрушки: старого плюшевого мишку, с которым она спала с года, и куклу с золотыми волосами, которую ей подарила экономка Мари на прошлое Рождество. Её одежду, обувь, книги, которые мы читали на ночь.

Я работала быстро, почти автоматически, стараясь не думать. Не думать о том, что я снова бегу. Что снова начинаю жизнь с нуля. Что снова одна.

Хотя нет.

Теперь я не одна, — подумала я, взглянув на фотографию Адель, стоящую на прикроватной тумбочке. Теперь у меня есть она. Моя девочка. Моя сила.

Чемодан наполнился быстро. Я застегнула молнию, оглядела комнату в последний раз.

Взгляд упал на фотографию в серебряной рамке. Я стояла с Алексом у дверей мэрии, он в элегантном костюме, я в простом белом платье, оба улыбались в камеру.

Какая фальшивая была эта улыбка. Каким фарсом был этот брак.

Я подошла, взяла рамку и, не раздумывая, перевернула её лицом вниз. Пусть остаётся здесь. В этом доме лжи.

Я взялась за ручку чемодана и потащила его к двери. Он был тяжёлый, колёсики скользили по паркету, издавая глухой шум, который эхом разносился по пустому коридору.

Спустившись на первый этаж, я заглянула в гостиную. Адель сидела на диване, увлечённо следя за приключениями мультяшных героев. Печенье на тарелке почти закончилось.

— Адель, — позвала я как можно спокойнее. — Мы ненадолго уедем, хорошо? Идём, ботиночки наденем.

Она обернулась, посмотрела на меня удивлённо.

— Уедем? Куда, мама?

— Пока не знаю, малышка. Но мы вместе, это главное.

Она прыгнула с дивана и подбежала ко мне, обнимая за ноги.

— Я с тобой, мама.

У меня защипало в глазах. Я присела, поцеловала её в макушку.

Сердце колотилось, готовое выпрыгнуть. Ещё несколько шагов и мы будем свободны. От этого дома, от этого брака, который никогда не был настоящим.

Я подошла к двери, протянула руку к замку, повернула его, потянула тяжёлую створку на себя...

И замерла.

На пороге стоял Алекс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.